

Владислав Стаф

Екатерина Махотина. Преломление памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре современной и постсоветской Литвы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 218 с. ISBN 978-5-94380-305-5.

Владислав Стаф, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», школа исторических наук. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. stafvlad@gmail.com.

Вторая мировая война оказалась крайне тяжелым периодом в литовской истории не только из-за разрушений и гибели сотен тысяч литовцев, но и в связи с последующим формированием исторической памяти о ней. Сегодня к событиям Второй мировой войны в Литве относят разные по характеру, но близкие по хронологии события. В их числе и присоединение (сегодня это чаще называют оккупацией с последующей аннексией) страны к СССР в 1940 году, и депортации начала лета 1941 года, и немецкая оккупация, и деятельность литовских партизан, и Холокост, в котором участвовали сами литовцы. При этом на формирование исторической памяти оказало влияние и то, что Вильнюс (Вильно) перед войной был в составе Польской Республики, а третий по величине город современной Литвы Клайпеда (Мемель) стал частью Литовской ССР лишь в 1945 году. Выработать единый нарратив о войне при таком количестве событий едва ли представляется возможным.

В своем исследовании Екатерина Махотина задается вопросом о том, как память о Второй мировой войне была представлена в наиболее популярных музеях, мемориалах и военных памятниках Литвы в советский и постсоветский периоды. Конечно, в Литве существует целый ряд других локальных мест памяти о войне – исследование не претендует на анализ всех подобных мест в стране. Однако перечисленные музеи и мемориалы наиболее наглядно демонстрируют «преломленность» литовских памятей, а их широкая известность позволяет делать выводы о ситуации во всей стране. Махотина анализирует музейные экспозиции не только с точки зрения содержательности текстов, исторических пробелов, дискурсов героизации и/или виктимизации, но и с точки зрения архитектурной эстетики, истории создания экспозиций, финансирования и т. д. (с. 19–20). Автором был также собран блок интервью с работниками представленных в исследовании музеев. В военных памятниках и мемориалах автор делает акцент на истории их создания, но старается отойти от противопоставления инициатив «сверху» (государство) и «снизу» (общество). Прежде всего «рассматривается ритуал памяти не только как проект власти [...], но и как общественный проект» (с. 22).

Как справедливо замечено в начале книги, сегодня складывается впечатление, что в современной Литве «темы войны, на первый взгляд, не существует» (с. 6). Даже в западной и литовской историографиях тема памяти о Второй мировой войне представлена лишь в отдельных специальных статьях. Конечно, в постсоветской Литве широко известны мемориальные места, связанные с войной: мас-

совое захоронение Понары (Панеряй)¹, мемориал в Пирчюписе (сожженной немцами литовской деревне) и Музей жертв геноцида в здании КГБ (с 2018 года – Музей оккупаций и борьбы за свободу) в Вильнюсе. Однако эти места посвящены в первую очередь страданиям людей, а не войне как таковой. Это результат того, что в Литве существует большое количество разных взглядов на события этого периода: советский, партизанский, еврейский и т. д.

В семи главах книги Махотина рассматривает историю формирования памяти о войне, начиная с послевоенной советской Литвы, в которой «советизация» подразумевала не только установление советских органов власти, но и, в формулировке Стивена Коткина, «глубокое внедрение нового социалистического образа жизни» (Kotkin 1995:34). Вплоть до начала перестройки политика советской власти в Литве была направлена на формирование имиджа Советской армии и СССР как спасителей литовцев от немцев, на поиск национальных героев-литовцев, сражавшихся против немцев и т. д. Несмотря на предпринятые советским руководством усилия, данный образ прошлого так и не стал для литовцев родным, однако одна деталь «советизации» все же закрепилась: в послевоенных советских музеях и мемориалах в Пирчюписе и Аблинге, IX форте Каунаса, Музее Революции и других литовцев показывали как жертв нацистского террора – этот нарратив закрепился и после распада СССР. Так, в 1990-е годы с началом формирования концепции литовской «нации» (с. 113) появился нарратив, представляющий Литву как жертву двух тоталитарных режимов, а в 1992 году в Вильнюсе был открыт Музей жертв геноцида², в экспозиции которого показывается, что война и последующая советизация были геноцидом литовского народа.

Сложнее складывалось формирование еврейской памяти о войне. Сегодня в Литве известно 227 мест массовых убийств евреев, а за время немецкой оккупации было уничтожено 96% всего еврейского населения страны (Vubnys and Kuodytė 2005:42). Первый еврейский музей в Вильнюсе был открыт сразу после освобождения Литвы в 1944 году (однако закрыли его уже в 1949-м), а в Понарах мемориал появился уже в 1948-м. При этом тема Холокоста оказалась практически табуирована в Литовской ССР, а немногочисленные выжившие евреи не имели права на свою национальную память. По этой причине после распада Советского Союза евреи были вынуждены бороться за свою мемориальную культуру. Автором рецензируемой книги точно подмечено, что произошло довольно неожиданное столкновение: помимо того, что еврейская память поднимала крайне болезненный вопрос о литовском пособничестве в Холокосте, эта мемориальная культура столкнулась и с советским нарративом послевоенной Литвы, где главными жертвами считались именно литовцы, а евреи были вытеснены на второй план (с. 112). За последние десятилетия сформировались три большие темы, из которых

¹ Двойное наименование обусловлено тем, что в советских источниках фигурирует польский вариант названия этого места – Понары (Ponary), однако сегодня его называют по-литовски Панеряй (Paneriai).

² Позднее у музея появился филиал – мемориальный комплекс в Тускулене (Тускуленском парке покоя) под Вильнюсом, расположенный на месте массовых расстрелов литовцев сотрудниками НКВД; здесь были обнаружены останки 724 человек.

складывается еврейская память в Литве: массовое уничтожение во время немецкой оккупации (на этой теме стали делать акцент все музеи: новый Еврейский музей Вильнюса, IX форт в Каунасе, музей в Понарах и др.)³, тема спасения литовцами евреев, а также тема «потерянного еврейского мира» (с. 197–198). При этом все они остаются для литовцев довольно «неудобными», ведь поднимают и такие темы, как литовский коллаборационизм во время войны, проблемы отношения к литовским национальным героям, которые одновременно участвовали и в Холокосте, и, наконец, память о евреях, сражавшихся против нацистов на стороне СССР. Необходимо сделать дополнение о том, что и отношение к Холокосту у литовцев до сих пор остается крайне неоднозначным. Достаточно вспомнить о реакции на вышедшую в 2016 году книгу «Mūsų šikšniai» («Свои. Путешествие с врагом») журналистки Руты Ванайгайте и последовавшие после ее публикации скандалы: Ванайгайте стала для многих литовцев персоной нон грата после ее критики антисоветских партизан.

В конце книги Махотина рассматривает актуальные формы воспоминания о войне и празднования 8 и 9 Мая в Литве, а также дискурсы самих ветеранов: советских, польских, еврейских и литовских. Так, отношение к 8–9 Мая и коммеморативные практики в эти дни стали выходить далеко за рамки дискуссий о Второй мировой войне из-за «разных памятей» в Литве. Автором сделано также крайне важное замечание о том, что в Литве до сих пор остается одна категория жертв, которая никак не обозначена в литовской мемориальной культуре: советские военнопленные, погибшие в немецких лагерях на территории Литвы (с. 229). Из-за большого количества «разных памятей» и нарративов о войне оказалось, что некому заниматься сохранением памяти об этих людях.

Книга Махотиной является самым полным исследованием литовской памяти о Второй мировой войне с конца 1940-х до начала 2010-х годов на русском языке. При этом, несмотря на огромное количество используемого автором материала, в книге почти не затронута еще одна важная тема – советские депортации литовцев в Сибирь и северо-восточную часть СССР за несколько месяцев до немецкой оккупации Литвы в 1941 году. Конечно, депортации продолжились и в послевоенные годы и шли параллельно с советизацией литовцев, однако начались они практически одновременно с войной. В пятой главе книги «Музеализация Сталина в Литве» Махотина пишет о Музее жертв геноцида и дискуссиях о том, можно ли события 1940-х годов считать литовским геноцидом. Однако, эта тема упомянута лишь в контексте экспозиции музея. Автор справедливо замечает, что в музее никак не представлена информация, например, о том, что возвращавшихся из лагерей ГУЛАГа и ссылок литовцев даже после смерти Сталина на родине встречали «с враждой, стигматизацией и равнодушием» (Davoliūtė 2012:125–128). При этом депортации в литовской политике памяти являются крайне важным событием, которое тоже относится ко Второй мировой войне. Существование работающего с 2005 года мемориального проекта «Misija Sibiras» («Миссия Сибирь»), целью

³ Памяти о Холокосте в Литве посвящен ряд публикаций Неринги Латвит-Густайтене из Еврейского музея Виленского гаона (Neringa Latvytė-Gustaitienė: <https://nep4dissent.eu/profiles/7583246,neringa-latvyte-gustaitiene>), однако в книге нет ни одной отсылки к ее работам.

которого является уход за могилами литовцев в Сибири и других местах ссылок в России и Казахстане, лишь подтверждает заинтересованность литовского государства в сохранении этой памяти. Конечно, в начале работы указано, что «ряд проанализированных дискурсов остается не полон» (с. 9), но было бы крайне интересно проследить встраивание нарративов о депортациях в другие литовские «преломленные памяти» о войне, описанные в данном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bubnys, Arūnas, and Dalia Kuodytė. 2005. *The Holocaust in Lithuania between 1941 and 1944*. Vilnius: Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania.
- Davoliūtė, Violeta. 2012. "We All Are Deportees: The Trauma of Displacement and the Consolidation of National Identity during the Popular Movement in Lithuania." Pp. 107–136 in *Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*, ed. by Violeta Davoliūtė and Tomas Balkelis. Vilnius: Institute of Lithuanian Literature and Folklore.
- Kotkin, Stephen. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.